
МЕТАФИЗИКА ГЛОБАЛЬНОГО — СЕТЕВОЙ ПРОЕКТ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

СФЕРЫ И СЕТИ: ДВА СПОСОБА ПОНИМАНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО*

Бруно Латур

Institut d'Études Politiques de Paris (Sciences Po)
27, rue St Guillaume, 75007, Paris, France

Я — ПРИРОЖДЕННЫЙ СЛОТЕРДЕКИАНЕЦ! (1**) Тридцать лет назад, когда я готовил материалы для «Жизни лаборатории» [12***], по воле моих научных информантов я попал на картину — на черно-белое фото аэродинамической трубы кондиционера *Института Салка* (2), где я выполнял полевую работу. «Какое отношение это имеет к нашей науке?», — спрашивали они, на что я мог ответить только «Всестороннее». Сам того не зная, я всегда был «сферологом» [sferologiste], как я понял 20 лет спустя, когда познакомился с работой Питера Слотердайка в другом помещении с кондиционером: в его школе в Карлсруэ, от которой меня отделял лишь двор *Центра искусств и медиатехнологий* (3) и где мне дважды представился шанс поэкспериментировать с инсталляциями и экспозициями — реализуя то, что мы с Петером Вайбелем (4) называем *Gedanke Ausstellung* или «экспозицией мысли», художественным эквивалентом «опыта мысли» в науке.

Сегодня мы собрались для другого опыта мысли, для того, чтобы понять, при каких условиях сегодняшней глобальный мир может стать обитаемым — приобрели важность все эти современные метафоры: надежным, прочным, наполненным воздухом пригодным для дыхания и жизни, — а также чтобы исследовать, какова идеальная программа, учебный план для обучения архитекторов и дизайнеров («дизайн» понимается здесь в самом широком смысле слова, поскольку, как мы

* Лекция, прочитанная в Harvard-GSD (Graduate School of Design) 17 февраля 2009 г. в связи с реорганизацией SPEAP — Science Po École d'Arts Politiques. Оригинальная публикация: Spheres and Networks. Two Ways to Reinterpret Globalization // In Harvard Design Magazine 30, Spring/Summer 2009. P. 138—144. Выполнено по французскому переводу: Sphères et réseaux, deux façons de saisir le global // Les Études du CFA n° 26, Septembre 2009. Публикуется с разрешения автора. Перевод Л.Ю. Бронзино.

** Примечания к тексту составлены переводчиком.

*** См. здесь и далее по тексту список литературы к послесловию переводчика — «О сферах, сетях и хорошем тексте».

знаем от Питера, “*Dasein Ist Design*”). В этом смысл объединения Graduate School of Design и Science Po École d’Arts Politiques, которое мы отмечаем сегодня.

Мы с Питером предложили ввести, каждый по-своему, два ансамбля концептов, один базируется на понятии «сферы», другой — «сети». И позвольте мне сказать, для начала, что я согласен с Питером: то, что обычно называется сетями, представляет собой довольно «анемичное» соединение двух линий, которые пересекаются и которые, скорее всего, менее правдоподобны, чем громадное глобальное пространство, которое они пытаются заменить. К счастью, мое собственное понятие сети или, точнее, сетевого актора, опирается в большей степени на Дидро и Лейбница, чем на Интернет, и в определенном смысле можно сказать, что «сферы» Питера и мои «сети» есть два способа описания *монад*: как только из числа монад Лейбница исключен Бог, у них не остается иной возможности, кроме как стать, с одной стороны, сферами, а с другой — сетями. Я хотел бы исследовать оба концепта, чтобы увидеть, можем ли мы прийти к какому-нибудь рабочему выводу — это опыт мысли, как вы помните, и действительно опыт, который даже в отсутствие материальных средств может дать практический эффект разграничения многочисленных гипотез.

Сферы и сети могут иметь мало общего, но и то и другое разработано против конкретного врага: против древнего и все еще кажущегося непреодолимым и постоянно углубляющегося разрыва между природой и обществом.

ПИТЕР ЗАДАВАЛ СВОЕМУ УЧИТЕЛЮ ХАЙДЕГГЕРУ ПОЧТИ ИГРИВЫЕ ВОПРОСЫ: «Когда вы говорите, что *Dasein* заброшено в мир, куда оно заброшено? Какая там температура, какой цвет у стен, выбранные материалы, технологии уборки мусора, стоимость кондиционера и т.д.?»

И сразу глубокая философская онтология «Бытия как бытия» принимает несколько иной поворот. Вдруг мы понимаем, что «глубокий вопрос» «Бытия как бытия» был понят слишком поверхностно: у *Dasein* нет одежды, нет места жительства, нет биологии, гормонов, атмосферы вокруг, медикаментов, транспортной системы, пригодной хотя бы для того, чтобы добраться до его Хижины [Hütte] в Черном Лесу (5). *Dasein* заброшено в мир, но оно нагое, и у него вряд ли есть шанс выжить в нем!

Когда вы начинаете задавать эти назойливые вопросы, соответствующие отношения между глубинным и поверхностным переворачиваются: нет никакого шанса понять Бытие, если оно отрезано от огромного числа кажущихся незначительными и поверхностными многочисленных маленьких бытий, которые вызывают его существование в конкретный момент — то, что Питер назвал его «жизнеобеспечением». Сразу же поиск философом «Бытия как такового» становится устаревшей программой исследования.

Как предвосхитил социолог/психолог Габриель Тард век назад, философы избрали наихудший глагол: глагол «быть» не вел их ни к чему, кроме мелодраматической дилеммы идентичности и ничто. Хороший глагол — «иметь», потому что тогда, как говорит Тард, никто не может разъединить двунаправленные связи между «имеющий» и «имевший» [«*eu*» и «*ayant*»] (6). (Сложно представить публику, которая бы сочла трагичным размышление Гамлета, как Гамлет размышляет «Иметь или не иметь, вот в чем вопрос».)

Подобное же переворачивание глубинного и поверхностного было совершено, когда *science studies* начали изучать научные практики — считавшиеся до того самыми невероятными и мистическими порождениями набора невидимых мозгов в сосуде — в больших, в более видимых, более дорогих, локализованных и намного более реалистичных сосудах, а именно лабораториях или, лучше сказать, сетях связанных лабораторий.

Когда проходит небольшой шок, вызванный пониманием того, что наука, которая раньше могла свободно бесплатно гулять в пространстве и времени и даже без воплощения в каком-либо человеческом существе, вдруг становится узкой и ограниченной в крошечных, хрупких и дорогостоящих сетях, практики которых нельзя реализовать иначе, чем заплатив большую цену за материальное расширение, — как только этот шок проходит, быстро становится ясно, даже на взгляд самых рациональных исследователей, что наука, наконец, нашла более безопасную и более прочную почву. Объективность также нашла себе поддержку в жизни и была пересажена правдоподобные экосистемы. Условия истины, которые эпистемологии тщетно искали в недрах логики, наконец, были размещены в весьма специфичных фабриках истины, где знают, как ее содержать и как с ней обращаться.

Сейчас я попрошу вас осмыслить одновременно два движения, поскольку, взятые отдельно, они приведут к наихудшему из возможных решений: если вы воспринимаете то, что Питер сделал с Dasein как отход от Хайдеггера и в более общем виде от философии (потому что он воссоединил нагого человека с его жизнеобеспечением), это означает, что вы перепутали связи жизнеобеспечения с вторжением «природы». Как если бы он сказал: «Достаточно феноменологии. Натурализуем всецело проклятого человека, используя последние достижения точных наук: нейрологии, биологии, химии, физики, технологии и всеми, какими пожелаете!» И наоборот, если вы думаете, что, помещая Науку с большой «Н» внутрь маленького пространства разобщенных лабораторий, мы, *science students*, потакаем человеческим капризам, это означает, что вы перепутали наше предприятие с тем, что называется «обществом» или «социальным объяснением» (7), как если бы мы говорили: «Хватит верить в объективный взгляд свысока. Деконструируем науку и сделаем из нее один нарратив среди потока других нарративов».

Стратегии, не признающие противостояния натурализации и социализации, приводят разум в замешательство только потому, что они всегда мыслились разделенными. Но как только вы объедините оба движения, вы поймете, что природа и общество составляют абсолютно счастливую пару, следовательно, их оппозиция — не более, чем фарс.

То, что мы с Питером сделали, каждый своим способом, — застали их *вместе* в постели и соблазняли чем-то иным, нежели натурализация или социализация. Сферы и сети позволяют, с нашей точки зрения, восстановить в правах маленькие сущности, составляющие жизнеобеспечение, не прибегая к поверхностному языку, который придала им философия естественных наук: ре-локализация и ре-инкарнация науки позволяет нам вывести, так сказать, эпистемологический яд из сладкого меда научной объективности.

Вы можете забросить Dasein в мир, перераспределяя его *особенности* (слово, между прочим, которое легче сочетается с глаголом «иметь», чем с глаголом «быть»), только если мир, в который оно заброшено, не есть мир «природы». И единственный способ сделать этот мир реальным, объективным и материальным, не делая его «природным» — изначально перераспределить и ре-локализовать Науку. Как *альтермондиалисты* и антиглобалисты, провозглашающие ровно такой же лозунг: «Другой мир возможен». Может быть, но при условии, что мы более не будем ограничены скудным боевым пайком природы и общества.

КОГДА МЫ РАЗМЫШЛЯЕМ, КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР МОЖЕТ СТАТЬ ОБИТАЕМОМ — особо важный вопрос для архитекторов и дизайнеров — нужно сказать, обитаемым для миллиардов людей и триллионов других созданий, которые больше не формируют природу или, конечно, общество, но скорее, используя мой термин, формируют возможный *коллектив* (в противоположность двойственному понятию природы и общества, коллектив еще не ассоциирован, и никто понятия не имеет, из чего он будет состоять, как он будет объединен или даже будет ли он вообще объединен в одно целое).

Но почему мир до перемещения был необитаемым? Точнее, почему не было очевидно, что вопрос о его обитаемости — единственный, который стоит поставить?

Я все более убеждаюсь, что ответ лежит в этой исключительно короткой формуле: *недостаток пространства*. Парадоксально, все дело вокруг сфер и сетей — которые кажутся поверхностными в своей редуцированности, ограниченности, минимальности локальных сцен — является в действительности поиском пространства, обитаемого пространства, намного более комфортного. Когда мы говорим о глобальном, глобализации, мы всегда склонны преувеличивать границы нашего доступа к этой глобальной сфере: в действительности, мы всего лишь делаем магические пассы руками, показывая существование чего-то — не больше чем достаточного размера тыква.

Версия Питера на этот счет еще радикальнее моей с тыквой: не существует доступа к глобальному по той простой причине, что вы всегда перемещаетесь из одного места в другое внутри узких коридоров, никогда не выходя «вовне». Вовне вы определенно умрете, как космонавт, который, как знаменитый капитан Хэддок (8), просто решил выйти с космической станции без скафандра. Споры о глобальном — в лучшем случае разговоры о пустяках в хорошо отапливаемых комнатах отеля в Давосе...

Большой парадокс двух наших подходов заключается в том, что сферы и сети есть два достаточно схожих способа, во-первых, локализации глобального с тем чтобы, во-вторых, *расширить пространство дальше*, чем мифическое «вне», избретенное сценографией разделения природы и общества.

Современный антрополог, вроде меня, может только постоянно поражаться неправдоподобным, неудобным, сжатым пространствам, созданным современными архитекторами — и здесь я говорю не только о дипломированных архитекторах, но и таких мыслителях, как Локк, Кант или Хайдеггер.

Ирония состоит в том, что столько людей, причисляющих себя к левым, по крайней мере в Европе, жалуются, что мы живем во времена, когда отверженные этого мира больше не обращают взгляда к какой бы то ни было утопии.

Мне кажется, что вся история Модерна дает самую радикальную и самую нереалистическую утопию в изначальном смысле этого слова: люди Модерна не имеют места, топоса, локуса, чтобы сесть или встать. Взгляд с высоты, с очевидностью доминирующий в старом научном воображении, означает также, что нет места и для тех, кто собирается в нем реально жить. Можете ли вы прожить хотя бы минуту с мозгом, помещенным в пробирку и отделенном пропастью от «реальности»? Однако именно это положение вы вынуждены принять, чтобы «мыслить логически». Можете ли вы прожить с душой, трансформированной в мозг-компьютер? Люди Модерна не имеют места, привязки, связи, чтобы должным образом использовать научные откровения относительно того, что материально и объективно. Я слышал от Маршала Салинса (9) такую шутку: «Реальность — прекрасное место для путешествия, но там никто никогда не жил» — типично модернистская шутка, реализм не есть его сильное место.

КАК МОЖЕМ МЫ — ИСТОРИКИ, АНТРОПОЛОГИ И ФИЛОСОФЫ — ВОСПОЛНИТЬ ЭТОТ НЕДОСТАТОК ПРОСТРАНСТВА, недостаток пространства столь радикальный, что люди Модерна вынуждены эмигрировать в непрерывно обновляющуюся утопию? Это странно, но все более правдоподобным становится то, что они перепутали пространство с белым листом бумаги, на котором они научились рисовать трехмерные рисунки. Архитекторы знакомы с манипуляцией рисунками, и эта манипуляция используется сегодня любым новичком-пользователем компьютерных программ по дизайну или даже Google Map. И эта манипуляция геометрическими формами сегодня вызывает столько энтузиазма, что может привести некоторых — в частности, вспомним моего соотечественника Рене Декарта — к идее о том, что это также способ, которым вещи управляются и размещаются *в пространстве*. Мой аргумент состоит в том, что *res extensa* — признаваемая как «материальный мир» и рассматриваемая до недавнего времени как материал, из которого будет сделана «природа» — есть досадное смешение свойств геометрических форм на листе бумаги и способа, которым *существуют* [*se comportent*] сами материальные сущности.

Будем точны, я не говорю, что субъективность человеческих существ заключается в том, что они никогда не смотрят на материальный мир в соответствии с законами геометрии. (Эта критика осуществлялась достаточно часто; феноменология уже прошла этим путем). Я говорю, что даже материальные физические объекты, конституирующие мир, не ведут себя в мире так, как мы того ждем от них, если бы они были заброшены в *res extensa*.

Другими словами: «научный взгляд на мир» не подходит человеческой интенциональности, духовным ценностям, и этические измерения здесь меня не слишком заботят; меня намного сильнее беспокоит, что он еще менее подходит для специфических особенностей электронов, скал, амёб, вшей, крыс, растений, зданий, локомотивов, компьютеров, мобильных телефонов и таблеток, которые находятся и проявляют себя в мире. Ничто, абсолютно ничто никогда не распо-

лагалось в *res extensa* — ни один червяк, вошь или пылинка — но массы существ уже были точно *нарисованы* на листе бумаге, выбиты на коже, сфотографированы на покрытых серебряной солью пластинах, смоделированы на компьютере и т.д. — включая червей, вшей и пылинки.

Res extensa принадлежит истории искусства, истории прессы, истории компьютеров, истории перспективы, истории проективной геометрии и множеству других дисциплин, но она точно не есть часть истории природы. Среди наиболее запутанных свойств людей Модерна — быть *материалистами*: то, что они называют материей, всегда остается ужасно идеалистической проекцией.

Что было бы забавно, если бы не было такой пустой тратой времени, так это трехвековая борьба «спиритуалистов» за спасение от окостенения [*déluge*] маленькой частицы человеческой души, плавающей в безбрежном океане возвышающегося *res extensa*, они не понимали, что этот океан есть не более чем пруд из очень локализованных техник, позволяющих на бумаге — а позднее и на экране — манипуляцию фигурами посредством сохранения определенного числа констант. Успехи того, что я назвал *регистрацией и неизменным и комбинируемым движением* (10), удивителен, но их нельзя путать ни с катастрофическим потоком, ни с чудесным приходом Разума на землю.

Будучи совсем не тем, из чего сделан мир — и, следовательно, тем, чего *res cogitans* должна научиться избегать по возможности — они есть всего лишь элементы, содержащиеся внутри мира сфер и сетей. *Глобальное есть форма циркуляции внутри этих образований [sites], а не то, что может их вмещать.* Латинская этимология *res extensa* включает, очевидно, *протяженность [extensibilité]*, распространяющуюся как инфекция, но у трезвых умов нет причины позволять ей выходить за узкие рамки регистрируемых практик — и еще меньше вообразить миметическое описание такого мира, в котором все реальные живые организмы вышли из *res extensa*, понимаемого здесь как «пространство» — единственное место, в котором вещи реальны. Это абсурдное расширительное определение *res extensa* есть, вероятно, наиболее скрытый, но и самый сильный источник нигилизма. Представьте это: реальный мир перепутали с полями, очерчивающими лист бумаги! *Res extensa* никогда не был ничем иным, как мечтой об этой мечте: *res cogitans*.

Вероятно, нет более решительного различия между мыслителями, чем относительно позиции, которую они склонны принять по отношению к пространству: пространство — это то, *внутри* чего помещены объекты и субъекты? Или пространство *одна* из многочисленных *связей*, создаваемых объектами и субъектами? Согласно первой традиции, если вы очистите пространство от всех сущностей, кое-что останется: пространство. Согласно второй, поскольку сущности порождают свое пространство (или, вернее, пространства) в процессе движения, если вы уберете сущности, не останется ничего, и в первую очередь — пространства. Скажите мне, какова ваша позиция относительно пространства, и я скажу, кто вы: я подозреваю, что такой оселок в равной мере является разделительным для философов, архитекторов и историков искусства.

В СЛУЧАЕ ПИТЕРА И МЕНЯ, Я НАДЕЮСЬ, ЯСНО, ЧТО МЫ НАХОДИМСЯ ПО ОДНУ СТОРОНУ БАРРИКАДЫ: сферы и сети были созданы, чтобы вдох-

нуть жизнь в *res extensa*, чтобы привести его в специфические места, к обменам, инструментам и медиа, и позволить ему циркулировать опять, но не потерять ни на мгновение то, что в промышленности называется *отслеживаемость*. Питер даже ухитрился посвятить целый том своей трилогии, *Сферы* [3—5], рематериализации и релокализации глобального как такового, так что благодаря его тщательному описанию даже знаменитый «взгляд с высоты» нашел свое место, специфическую архитектуру — в целом такую, что присуща соборам, залам и фрескам — специфическое освещение, исторически определенное положение. История мысли становится теперь частью истории искусства, архитектуры, дизайна, интеллектуальных технологий — короче, она стала отраслью сферологии. *Глобальное есть часть локальных историй*.

Нельзя пренебречь столь важным переворотом в истории рациональности: в то время как в более ранние периоды Разум был перепутан с нелокальной, не-ситуационной, нематериальной утопией духа и материи, сейчас есть возможность разогнать этих призраков и наблюдать их в движении внутри специфических сфер и сетей. В любом случае мы могли бы теперь быть чуть более реалистичными относительно того, что подразумевается выражением «заброшены в мир», «зависимы от объектов». «Сон Разума» может, безусловно, «порождать чудовищ», но и сладкие сны: нужно время, чтобы Разум пробудился и от них.

Я понимаю, что в наших двух попытках можно увидеть странное противоречие: как можем мы утверждать, что сферы и сети дают больше пространства, в то время как их первый эффект — стянуть все, что было вне и не привязано внутрь абсолютно безграничного поля? Кажется, что мы даем еще один повод для критики: глобальное возвращается в помещения, в которых оно производится; законы природы располагаются в квази-«парламенте», где они ставятся на голосование, и никому не позволено выпрыгнуть вовне, как если бы существовало место без места, помещение без помещения, сфера без собственной системы кондиционеров. Но как можем мы продолжать претендовать на то, что это предприятие по сокращению обеспечит, в конечном итоге, больше пространства, сделав обитание в мире более комфортным, что это не просто критическое движение, умное, но, в конечном счете, негативное средство — движение интеллектуальное, но исключительно негативное, смиряющее заносчивость как материалистов, так и спиритуалистов?

Чтобы понять, почему это не противоречие или парадокс, ни даже критическое движение, вы должны рассмотреть альтернативу: огромное *вовне*, которое нелокализуемо и в котором единственный выбор, предоставляемый его обитателям, есть выбор между двумя формами антигуманизма [*inhumanité*]: первая предполагает натурализацию (человек сделан из идеализированных единиц, извлеченных из всех научных дисциплин, где он сходит за материю), вторая — социализацию (человек извлекается из системы жизнеобеспечения с кондиционером, позволяющей ему выжить).

Это выбор не между природой и обществом, а между двумя способами быть бесчеловечным. Настоящий выбор — в распределении принципиально разных условий пространства: одно, в котором есть огромное бесконечное внешнее, но не

локализуемое пространство, где каждый организм кончает тем, что обнаруживает себя сжатым («где я?») и раздираемым этими двумя анитигуманизмами; другое — в котором есть только внутренние мельчайшие элементы, сферы и сети, но где искусственные условия для развертывания форм жизни в конце концов становятся определенными, отслеживаемыми, финансово обеспеченными, артикулированными и эксплицитными.

Есть ли разница? Небольшая! Вы не поняли, что у организмов все еще нет определенного места жительства в узких структурах Модернизма? Что мы все еще не способны определить, что это за инструмент, техника и технология без того, чтобы начать колебаться между *обманом* и ностальгией? Что все еще нет пространства, способного придать смысл миллиардам миграций, определяющих мир как «глобальный», хотя он в действительности столь мало глобализован? Что, как стало достаточно ясно прошлой осенью (11), после двух веков существования экономической науки у нас все еще нет даже отдаленно реальных представлений о таких простых явлениях, как доверие и вера? Что мы не способны найти иное пространство для богов и святых, иначе, как поместив их на задворки сознания? Что душа все еще скитается в поисках надежного приюта?

КАЖДУЮ ЗИМУ ВО ФРАНЦИИ МЫ СТАЛКИВАЕМСЯ С ОДНИМ И ТЕМ ЖЕ КРИЗИСОМ НЕДВИЖИМОСТИ. Да, но есть и поистине гигантский *кризис недвижимости* в нашей неспособности найти место жительства для бездомных Модернизма. Действительно, Модернизм сам по себе бездомен, заставляя своих обитателей мечтать о месте для жизни, которое является необитаемым, осмелюсь сказать, незастроенным. Что нам нужно, так это больше места для нового типа недвижимости (*from real estate to realist estate*) (12). (Удивительно также, что несмотря на такую работу в области современной архитектуры, связи между Модернизмом и Архитектурой, которые нужно установить, все еще не установлены — и это могло бы причиной того, что, как ни странно, в США такое количество интеллектуальных предприятий недавно мигрировали из опустевших кафедр философии, преобразованных из кафедр романских языков в 1980-е, в школы дизайнера и архитектуры).

Имеется некая сущность в завершении опыта мысли, который я пригласил вас осуществить, потому, что *внешнее* в дефиците сегодня в любом случае.

Это не совпадение, что сферы и сети были предложены как альтернатива ложной дилемме природы и общества как раз в тот момент, когда экологический кризис начал бросать тень на само понятие внешнего. Сегодня это хорошо известно: понятие «среда» начало занимать общественное сознание именно тогда, когда стало понятно, что никакое человеческое действие не может более опираться на какую-либо внешнюю среду. *Вовне* нет никаких резервов, которые могли бы компенсировать непреднамеренные последствия коллективных действий, и куда они могли бы исчезнуть из нашей жизни. Буквально нет внешнего, нет места *разгрузки*, где мы могли бы освободиться от отходов от нашей деятельности. То, что я сказал ранее весьма философски — что проблема состоит в «недостатке пространства», — приобретает сейчас более радикальное, практическое, буквальное и актуальное значение: *больше не осталось внешнего*.

Как обычно, Питер выражает это заостренно, говоря: «Земля, наконец, стала круглой». Конечно, мы и раньше это знали, но важно то, что округлость Земли была раньше теоретической, географической, в лучшем случае эстетической. Сегодня это приобретает новое значение, потому что последствия наших действий плавают вокруг голубой планеты и возвращаются, чтобы охотиться на нас: возвращается не просто корабль Магеллана, но и, после многочисленных витков вокруг Земли, наши отбросы и токсичные отходы. Сейчас мы это чувствуем своим телом, мы от них страдаем: хорошо, что Земля круглая навсегда.

Эту идею Церкви не могли нам доказать — наши грехи не исчезают, когда мы просто о них забываем — и она принимает новое значение: нет способа избежать последствий наших действий. И они горят как преисподняя!

Исчезновение внешнего есть, безусловно, определяющая черта нашей эпохи. Мы пытаемся сейчас собрать миллиарды людей и триллионы связанных с ними вещей в ограниченных местах, и у нас больше нет пространства. И еще больше беспокойства вызывает то, что недостаток пространства есть недостаток места для вещей, которые мы храним в своем сердце.

ВСЕ ПРОИСХОДИТ ТАК, КАК ЕСЛИ БЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС ЗАСТАЛ ЛЮДЕЙ МОДЕРНА АБСОЛЮТНО НЕГОТОВЫМИ: нет ни малейшего шанса, что природа-и-общество в состоянии справиться со скоплением организмов, требующих места для развертывания и поддержания своих жизненных форм. Модернизм хорош при перемещении, миграции в различных утопиях, при элиминации сущностей, при вакуумнизации, разрыве с прошлым и притязании на выход вовне, но если просить его о размещении, перемещении, поддержке, сопровождении, питании, заботе, защите, сохранении, установлении — короче, обитании и развертывании — никакие навыки, приобретенные в ходе его истории, не могут быть востребованы.

Хуже того, Модернизм ведет к дополнительным последствиям, еще более опасным в нынешних обстоятельствах, — стремление идентифицировать вкус к обитанию через прошлое, невинность, естественность, непорочность, как раз в тот момент, когда требуется теория *искусственного* конструирования, поддержания и развития тщательно оформляемого [designed] пространства, нас тянут назад в другую утопию — реакционную на этот раз — утопию мифического прошлого, в котором природа и общество жили счастливо вместе («в равновесии», как говорят, в «малых лицом к лицу сообществах», не нуждаясь ни в каком искусственном дизайне).

Еще хуже то, что Модернизм так заразил самых воинствующих из экологов (тех, кто, как можно было подумать, наиболее заинтересован в придании нового смысла глаголам *обитать*, *давай место*, *заботиться*), что они предлагают повторно использовать затертые термины природы-и-общества, на этот раз, чтобы «спасти природу», обещая нам будущее, где мы должны быть еще «более естественными!»).

Что означает, если вы последуете за мной, еще менее человечными, еще менее реалистичными, еще более идеалистичными, еще более утопичными. Я полностью за вторичную переработку отходов, но чего я точно не хочу перерабатывать, так это понятие «природа»!

Трудно понять, что сложности с понятием природы связаны с понятием пространства, пришедшего из путаницы — подтвержденной содержащейся в *res extensa* — между способами, какими мы познаем вещи, и способами, какими вещи существуют сами по себе. Говоря достаточно радикально, сферы и сети есть два способа разряжения понятия *res extensa*: сферы — потому, что они локализируют *Umwelt* (13), который может служить приютом для вещей-в-себе; сети — поскольку они позволяют нам уважать объективность наук, не обременяя их этимологическим багажом, который им мешает. Впервые с момента «*бифуркации природы*» (выражение Уайтхеда, предложенное для того, чтобы привлечь внимание к странному разрыву XVII века между первичными и вторичными качествами [6]), мы могли бы получить получили способ закинуть *Dasein* в мир, не впадая в абсолютно ирреалистическую трактовку либо самого *Dasein*, либо мира, в который он брошен.

ПРИМЕЧАНИЯ*

- (1) Латур называет себя приверженцем идей Питера Слотердайка (Peter Sloterdijk) — немецкого философа и эссеиста, профессора философии и эстетики (с 2001 года — ректора) Колледжа Дизайна в Карлсруэ, а также преподавателя философии культуры в Венской Школе изящных искусств. Слотердайк — автор трилогии «Сферы» [3—5], в которой философская история человечества представлена сквозь призму фундаментальной формы природы и мышления: сферы и трех ее ипостасей — шара, глобуса, пены [13. P. 90]. Базовое понятие Слотердайка — «сфера» — есть пространство сосуществования, имеющее определяющее значение для понимания человеческого бытия. Исследование сфер начинается с констатации различия между млекопитающими и другими животными: с помощью науки, идеологии и религии человек пытается воспроизвести комфорт материнской утробы. Анализируя микросферы (онтологические отношения, аналогичные связи матери и ребенка) и макросферы (связи, формирующиеся на уровне нации или государства), Слотердайк показывает, как человек все время стремится к восстановлению связи, но терпит неудачу, что приводит к жизненному кризису, неизбежному, когда сфера рушится.
- (2) Salk Institute for Biological Studies — независимый институт научных исследований, расположенный в Калифорнии. Особенно известен исследованиями в области биомедицины, молекулярной биологии, генетической биологии и нейробиологии.
- (3) Центр искусств и медиатехнологий (ZKM).
- (4) Петер Вайбель (Peter Weibel) — художник-исследователь и теоретик актуального искусства, директор Центра искусств и медиатехнологий (ZKM). Получил известность как один из основателей «венского акционизма». Вайбель экспериментировал с разнообразными видеоформами, стремился раздвинуть границы искусства, включая в них новые видеоформы — сначала кино и видео, потом телевидение, затем — компьютер. В своих построениях опирался на семиотические и лингвистические работы (Остин, Якобсон, Витгенштейн, Пирс). В 2011 г. был куратором 4-й Московской биеннале современного искусства.
- (5) Аллюзия на знаменитую хижину М. Хайдеггера в Шварцвальде, описанную философом в работе «Творческий ландшафт: почему мы остаемся в провинции»: «На крутом склоне широкой высокогорной долины в южном Шварцвальде, на высоте 1150 метров над уровнем

* Примечания переводчика — Л.Ю. Бронзино.

нем моря, стоит хижина — небольшой лыжный домик... Вот мой мир — мир, в котором я тружусь, если смотреть на него созерцательным взором гостя и отпускника. Я же, собственно, никогда не рассматриваю этот ландшафт. Я постигаю его в опыте жизни: ежедневно, денно и ночью плавают он в великих волнах времен года... Когда во мраке зимней ночи вокруг хижины бушует снежная буря с ее свирепыми порывами ветра, когда все окрест застилает снежная пелена, все скрывая от глаз, вот тогда наступает время торжествовать философии. Вот когда она обязана вопрошать просто и существенно. Всякая мысль должна прорабатываться сурово и отчетливо. Тогда отпечатлется труд мысли в языке — все равно как ели, высясь, противостоят буре» [8. С. 218—219].

- (6) По мнению Латура, в момент институционализации социологии как научной дисциплины были предложены два альтернативных варианта представлений об обществе — Г. Тарда и Э. Дюркгейма. Победителем в дискуссии между основателями социологии оказался Дюркгейм, чье представление о социологии как науке, объясняющей социальное через социальное, остается базовым и для современной социальной мысли. Однако «Дюркгейм перепутал... причину и следствие, проигнорировав недостатки социального объяснения ради политического проекта, который формировал понимание социальных связей как объективного интегратора общества. В отличие от своего молодого соперника, Тард основательно доказывал, что социальное не создается в специфической сфере реальности, но представляет собой принцип связи; что не было никаких причин отделять человеческое социальное от других видов ассоциаций, таких как биологические организмы или атомы; что чтобы стать социальной наукой, социология не нуждалась в разрыве с философией и в особенности с метафизикой; что социология была в действительности разновидностью интерпсихологии; что изучение инновации, особенно в науке и технике, было наиболее обещающей областью социальной теории; и что нужно было пересоздать экономику... чем использовать ее как поток метафор, описывающих, как рассчитать прибыль. После всего этого Тард осмыслил социальное не как организм, но как циркулирующую жидкость, которую можно будет исследовать с помощью новых количественных методов...» [10. Р. 24—25].
- (7) «Социальное объяснение» (объект критики Латура) — парадигмальная установка социологии на объяснение социального социальным, при котором одним объектам приписывается приоритетное право определять другие, а все, что исследователь не способен объяснить через «социальное объяснение», считается невольным проявлением «субъективизма». Таких исследователей Латур называет «социологами социального», полагая, что они совершают две методологические ошибки: подменяют «*объясняемое объясняющим*» («ряд сложных, уникальных, специфических, многообразных и оригинальных выражений подменяется простым, банальным, гомогенным и поливалентным термином под предлогом, что второе „объясняет“ первое») [10. Р. 144] и изначально уверены в существовании «социальных сил» — некоего предустановленного способа *ассоциации* (социальности), вынуждающего социальных акторов объединяться. Особенно очевидными недостатками «социального объяснения» становятся при попытках исследовать научные практики — сообщество ученых и специфику их деятельности, заключающуюся в создании нового и каузально не сводимую к набору «социальных факторов», предшествующих открытию или изобретению. Однако Латур не устраивает и решение, предлагаемое «субъективистами», выводящими из недостатков «социального объяснения» принципиальную невозможность истинного описания общества и предлагающими считать все описания равноценными: «есть ученые — если можно в их отношении использовать это благородное слово — которые воспользовались этим, чтобы доказать, будто социальные науки создают только „рассказы“, иногда добавляя „как литература“. Как игроки в футбол, забивающие гол в свои собственные ворота, эти извращенные гуманисты начали использовать слова „рассказ“ и „дискурс“, чтобы доказать, что нет правдивых писаний. Как если бы отсутст-

вие абсолютного Текста означало, что все тексты *одинаково* относительны! И, конечно, все те, кто хочет опорочить социальные науки, воспользовались случаем, поскольку не переставали осуждать: „социологи только и делают, что рассказывают истории, наконец, кто-то в этом сознался“. Или, доказать, что социальные науки разрабатывают письменные отчеты — это одно (все науки на этой Земле делают то же самое, и именно поэтому заканчиваются на „лог“ или „графия“); но это общее место не дает заключить, что мы пишем только *фиктивные* истории» [10. Р. 184—185].

- (8) Арчибальд Хэддок — персонаж серии комиксов «Приключения Тинтина» бельгийского художника Эрже. Хэддок — лучший друг главного героя комикса журналиста Тинтина, капитан корабля дальнего плавания.
- (9) Маршалл Салинс (Marshall Sahlins) — американский антрополог и этнограф, обосновавший влияние культуры на формирование общества и его институтов. Исследовал взаимовлияние культуры и природы (естественной среды) [2].
- (10) Латур детально описывает процедуру сбора данных, на основе которых можно зафиксировать изменения, происходящие с объектами — акторами, поскольку «отныне *все становится частью данных*: все, начиная от первого телефонного звонка предполагаемому респонденту, первой встречи с научным руководителем, первой правки, которую вносит клиент в проект финансирования, первого запуска поисковика, первого наброска списка вопросов для анкеты» [10. Р. 194]. Скрупулезность записи и внимание к деталям, по мнению Латура, есть единственный способ зафиксировать в письменном виде движение — непрерывный процесс создания *ассоциаций* между акторами, который не в состоянии воспроизвести «традиционная» наука об обществе.
- (11) Осень 2008 г. — начало экономического кризиса.
- (12) От того, что есть, к тому, что могло бы быть.
- (13) Окружающая среда (нем.).